

ВСЯ ПРАВДА
О СПЕЦНАЗЕ

ЗРКЕБЕК АБДУЛАЕВ

**ПОЗЫВНОЙ –
КОБРА**

ЗАПИСКИ «КАСКАДЕРА»

Эркебек Абдуллаев
Позывной – Кобра.
Записки «каскадера»
Серия «**Вся правда о спецназе.**
Мемуары бойцов спецподразделений»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26915839

Позывной – Кобра. Записки «каскадера» / Э.Абдуллаев: Алгоритм;

Москва; 2017

ISBN 978-5-906979-96-4

Аннотация

Подполковника Эркебек Абдулаев с 1982 года по 1990 год служил разведчиком специального назначения в группе «Вымпел» КГБ СССР. В спецназе Лубянки таких называли «каскадерами». Они изучали иностранное оружие и минно-взрывное дело. Много бегали по ночному лесу, ломая тонкую корку льда и проваливаясь в ямы с водой по пояс. Принимали на слух морзянку и работали на ключе. Лазали по скалам и прыгали с парашютом. Учились метать в цель ножи и топоры, драться одновременно с шестью партнерами. Их натаскивали замечательные педагоги-практики, имевшие опыт боевой работы во многих странах. И готовили их не просто к войне, а к войне

до победы. Из них сделали бойцов «Вымпела» – одного из самых прославленных спецподразделений в мире. И им никогда не приходилось сидеть без дела.

Содержание

Вместо предисловия	5
Детство	8
Студенческие годы	35
Колхоз «Каракол»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эркебек Абдулаев Позывной – Кобра. Записки «каскадера»

Вместо предисловия Не грусти, каскадер!

Дорогой читатель!

В твоих руках автобиографические записки солдата спецназа – разведчика специального назначения группы «Вымпел» КГБ СССР подполковника Эркебека Абдулаева. В спецназе КГБ СССР таких называли «каскадерами».

Его биография схожа с жизнью многих офицеров «Вымпела», среди которых были русские, украинцы и белорусы, киргизы и узбеки, азербайджанцы и грузины, карелы и корейцы... У них никогда не возникал вопрос о национальной принадлежности друг друга. Все они старались делать одно дело – защищать интересы нашей Родины. Никто из них не изменил своему долгу, хотя у каждого из них были свои переживания, сомнения, разочарования и обиды.

Признаться, мне было интересно узнать новые нюансы и детали некоторых специальных операций, вроде бы хорошо

известных по оперативным отчетам и докладам. Некоторые его приключения могут просто шокировать слабонервных. Не со всеми его умозаключениями и выводами я согласен, но он имеет на то право. Правда, некоторые эпизоды из книги он все же по моей просьбе убрал.

Примечательно то, что он рассказывает о себе и других без псевдогероического пафоса или душевного надрыва, а с присутствующим ему одному юмором «каскадера», хорошо знающего цену жизни, склонного к взвешенному авантюризму. Не улыбайся, читатель: на войне как на войне, и даже бывает, «смеются от смерти за десять минут». Ведь автор делал мужскую работу.

Не все, быть может, всем понравится в этой книге. Но правда жизни многим вынесла свой приговор, и еще сегодня заставляет все вспоминать, анализировать, оправдывать или осуждать. Как бы ни было, но эту книгу прочтут с большим интересом сотрудники спецслужб у нас и, видимо, не обойдут вниманием за рубежом.

Страницы книги вернули меня в 80-е годы, когда в строю офицеров оперативного полка специального назначения ХАД Афганистана стоял в афганской форме, хитро прищуря умные глаза, «товарищ Бек».

Прочтя его записки, хочется сказать:

– Не грусти, «каскадер». Еще все впереди!

Читатель, прочти эту книгу до последней строчки, не пожалеешь.

*Ю. И. Дроздов,
генерал-майор в отставке*

Особую благодарность автор приносит Петру Ивановичу Нищеву, а также друзьям по оружию и сослуживцам, которые своими замечаниями и дополнениями оказали неоценимую помощь в создании этой книги.

Детство

Люди рождаются только с чистой природой, и лишь потом отцы делают их иудеями, христианами или огнепоклонниками.

Саади¹

Странная встреча

С детства помню один странный эпизод. Мне было где-то лет шесть. Жаркое лето. Иду по дороге, загребая босыми ногами густую, теплую пыль. Навстречу попадается благообразный старец верхом на коне. Я уже хорошо усвоил, что старших положено приветствовать первым. Иначе за неучтивость можно схлопотать неприятность. Поэтому что было сил кричу:

– Салам алейкум!

Аксакал степенно кивает:

– Алейкум салам, чей сын?

– Сагына!

– Не знаю такого.

– Абдылды! (называю имя деда).

¹ Абу Мухаммад Муслих ад-Дин ибн Абд Аллах Саади Ширази – персидский поэт-моралист, представитель практического, житейского суфизма. – Прим. ред.

– Не знаком.

– Шыйкыма! (это уже прадед).

И тут со стариком происходит что-то странное. Он на мгновение замирает, пристально разглядывая меня, затем с трудом слезает с коня, обнимает, целует мои чумазы руки и, утирая слезы, срывающимся голосом бормочет:

– Слава Аллаху, сохранилось-таки семя Шыйкыма!

Предки

Шыйкым, имя которого так взволновало случайного встречного, еще при царском режиме был бием². Видимо, прадед когда-то сделал добро этому аксакалу или его близким родственникам.

...Каждый киргизский мальчуган обязан знать имена своих предков до седьмого колена. Взрослые вбивали нам эти знания иногда довольно своеобразным способом. Любой прохожий мог внезапно схватить за ухо и устроить экзамен. Ответишь без запинки – заработаешь леденец, не ответишь – придешь домой зареванный, с покрасневшим ухом. Еще дома добавят, чтобы не позорил семью. Ныне я знаю свою генеалогию до 28-го колена. Самым известным из предков был прапрадед Кожомжар, в середине прошлого столетия прини-

² Бий – глава волости и одновременно судья. (В статистическом сборнике по волостям северной Киргизии, выпущенном в 1911 году, о нем имеются любопытные сведения.) Получается, я имею законное право на дворянский титул.

мавший участие в восстании против Кокандского хана. История нашего рода была драматичной, поэтому, к сожалению, даже старики не знают, где покоится прах Шыйкыма и более старшего поколения моих пращуров. Уходя на афганскую войну, я попросил брата выбить на могильном камне отца их имена до седьмого колена...

Папа

Старики рассказывали, что мой отец Сагын в молодости был далеко не агнцем. В 1926 году, в свои неполные 16 лет, ему довелось три месяца в одиночку прозябать на летних пастбищах в горах с многочисленными отарами деда. Тут наступила хмурая осень, журавли на юг потянулись. Тоска! Бросил он этих надоевших до оскомины баранов на радость волкам и сбежал с проходящим казахским караваном. Приехал в Пишпек, подарил коня и винтовку дальнему родственнику в качестве платы за харч и пошел учиться в школу.

Дед проклял его. Эти барашки достались тяжким крестьянским трудом в обмен на зерно, поскольку он был единственным хлебопашцем в наших исконно скотоводческих краях. Впрочем, на следующий год после бегства отца деда все равно раскулачили и отправили в места не столь отдаленные.

Абдылда простил своего единственного сына лишь через 35 лет. За эти годы отец получил педагогическое образо-

вание в Ташкенте, где узбеки в дипломе немного исказили его фамилию и он стал Абдулаевым (а должен был писаться Абдылдаевым), стал первым заслуженным учителем Киргизской ССР, был награжден тремя государственными наградами, в том числе медалью имени Мичурина, обзавелся семьей, вырастил восьмерых детей. Среди его учеников много известных людей, в том числе и бывший 1-й секретарь ЦК КП Киргизии Турдахун Усубалиев. За свою жизнь папа посадил пять дивных фруктовых садов. К сожалению, не все они уцелели. Один в 1970-х годах остался на дне Кировского водохранилища, другой в 1990-м сгорел в Узгене в пламени киргизско-узбекского конфликта, третий сад в моем родном городе Таласе с прошлого года начали потихоньку вырубать обездоленные земляки. Туго стало с топливом.

Отец звезд с неба не хватал, хоть и был одним из немногих киргизов, получивших высшее образование еще в 1930-х: «кулацкое» происхождение всегда сказывалось на его биографии. Впрочем, может, это было к лучшему, поскольку все высокопоставленные национальные кадры в 1937 году были репрессированы. Папа до конца не верил, что меня могут взять на работу в органы КГБ.

Детство

Я родился 31 января 1952 года в селе Бейшеке Кировского района Таласской области Киргизской ССР. Семья наша на-

считывала 14 ртов, включая двух бабушек и трех племянников при двух работающих родителях. Отец в ту пору был директором средней школы. Мама в этой же школе преподавала в начальных классах. Кормились в основном за счет огорода размером 60 соток. Отец прививал нам крестьянские навыки, закрепляя по весне за каждым ребенком по грядке.

Жили мы в маленьком домике с плоской крышей, купленном у одного грека за 1400 рублей. С долгами мы расплатились лет через десять. Вся семья ютилась в двух комнатах и прихожей.

В нашем селе, кроме киргизов, с конца девятнадцатого века проживали русские и украинцы, потомки первых колонистов. Во время Великой Отечественной войны в наш район переселили много семей немцев, греков, турков, курдов, чеченцев, карачаевцев. В конце 1950-х прибыли уйгуры из Китая.

В 1988 году, уже будучи сотрудником «Вымпела», я гостил в чеченском селе Бачи-Юрт у однокашника по университету Хизри, главного экономиста местного хозяйства. Несколько седобородых чеченцев, сидевших на лавочке у сельсовета, оказались земляками из Таласа! Никогда не забуду их слез радости.

До шестилетнего возраста я был практически предоставлен самому себе и вырос на улице, в окружении интернациональной братии таких же сорванцов. Обычно пацанва предпочитала собираться у обрывистого берега речки Кара-Суу,

где было много хорошей глины. Мы лепили из нее танки и устраивали целые сражения, как это делают сейчас взрослые дяди в погонах в военных академиях. Была еще одна распространенная азартная игра: из сырой глины лепили чашку и с силой хлопали о землю. Чашки под воздействием сжатого воздуха громко «взрывалась». Кроме того, лазили в чужие огороды, разоряли птичьи гнезда (яйца и птенцы, испеченные на углях, для нас были деликатесом), ходили в горы, купались в речке. И, разумеется, дрались. Обычно стенка на стенку против соседней улицы или села. Но случались и межнациональные драки.

Первые опыты «межнациональных конфликтов»

В основном бились киргизы с русскими. Русские пацаны предпочитали бои на дальних дистанциях: у них было больше рогаток, имелись и «поджиги». Киргизы брали численностью: вооруженные камнями и палками, стремительно атаковали, оглашая окрестности дикими воплями. Редко кто выдерживал такую «психическую атаку». Немцам, пожалуй, было труднее других. Им доставалось от всех: ведь прошло всего десяток с лишним лет после войны. Курды были самыми запуганными. С чеченцами, наоборот, предпочитали не связываться, они шуток не понимали, и даже самые малые могли пустить в ход ножи. Хотя ребята старше 14 лет в

этих баталиях участия не принимали: им запрещали родители-спецпереселенцы. По законам сороковых годов они могли попасть под расстрел. А с малышкой какой спрос? И вообще, драться полезно: растут настоящие джигиты!

Из греков самыми отъявленными хулиганами были два брата-близнеца Мито и Христо. Хорошо помню, как в первом классе по дороге из школы они раскровавили мне нос во дворе МТФ. Через двадцать лет я приехал туда оперуполномоченным КГБ и, движимый искренними ностальгическими чувствами, хотел было с ними повспоминать молодость, пропустить рюмочку-другую. Прослышав, что их разыскивают органы, тридцатилетние мужики с перепугу чесанули в соседнюю область.

Несколько слов о спецпереселенцах

В 1980 году, работая в Кировском райотделении КГБ, я запросил из Краснодара литерные дела на некоторых спецпереселенцев-греков, высланных из Крыма в наш район. Пожелтевшие страницы, с точки зрения современной юриспруденции, можно было бы читать как сборник анекдотов, если бы за ними не стояли трагедии отдельных семей и целых народов: сержант НКВД (это звание в ту пору соответствовало армейскому майору) четким, каллиграфическим почерком выводил протокол допроса арестованных:

Вопрос:

– Подсудимый Топуриди (Гелекелиди, Попандопуло, Христопуло и т. д.), признаете ли себя членом антисоветской, националистической, империалистической, шпионско-террористической организации?

Ответ:

– Да, я признаю себя членом антисоветской, националистической, империалистической, шпионско-террористической организации.

Вопрос:

– Расскажите, чем Вы занимались в антисоветской, националистической, империалистической, шпионско-террористической организации?

Ответ:

– Я занимался тем, что вербовал новых членов.

Вопрос:

– Каким образом вербовали новых членов?

Ответ:

– Я говорил в своем окружении, что неплохо было бы вступить в антисоветскую, националистическую, империалистическую, шпионско-террористическую организацию...

Далее в дело подшито постановление суда «тройки»: таких-то расстрелять, таких-то выслать. Прилагается справка о приведении приговора в исполнение, заверенная тюремным врачом. В конверте – документы казненных...

Отцовская порка

Но вернемся к детским воспоминаниям. На окраине села был красивый луг, окруженный со всех сторон быстринами, прозрачными речушками. Вся наша одежда состояла из сатиновых трусов. Мозоли на ступнях становились такими плотными, что можно было безбоязненно бегать по колючкам. Питались в течение дня чем бог послал, а времена в конце пятидесятых были суровые и не слишком сытные. По стране бродило много нищих и калек, свирепствовала преступность. Довольно часто, затаив дыхание, мы внимали на лугу леденящим душу воровским откровениям разрисованных татуировками взрослых.

Иногда в колхозный клуб приезжала кинопередвижка. На окнах клуба штор не было, и кино начиналось с наступлением темноты. Киноаппарат был один, его ставили в середине зала. Электричество еще не было проведено, и на улице заводили движок. После каждой части включался свет, и пока заряжали новую бобину, взрослые выходили покурить. Мелюзга проникала в зал обычно с началом второй части. Бывало, в движении заканчивалось горячее, и тогда киномеханик объявлял, что можно будет досмотреть фильм завтра. Сеанс заканчивался за полночь. Люди расходились гурьбой по темным улицам. Идти со взрослыми было не страшно, но в конце концов я оставался один. Представьте себе шестилетнего

ребенка, бредущего по вымершей улице, которому каждый кустик мерещится страшным чудищем! До 12–13 лет мучили ночные кошмары на эту тему, пока не научился управлять своими сновидениями. На стук открывала дверь мама, и я, продрогший и смертельно уставший, как есть чумазый, нырял под теплый бок кого-нибудь из старших братьев.

Утром отец, пощупав мои рельефно выпирающие ребра, нудно читал нотацию о том, что положено хотя бы раз в день приходиться домой поесть. Вроде и взрослый человек, а не понимал элементарных вещей: как можно бросить братву в разгар интересных дел? Папа был очень мягкий и добрый человек. Лишь раз в жизни крепко выпорол за ложь. От ивовых прутьев на спине и боках у меня мгновенно вздулись багровые рубцы, увидев которые, мама впала в ярость и показала когти. Однако досталось и ей за отсутствие должного контроля за воспитанием подрастающего поколения. Старшие братья и дядья прятали меня от отцовского гнева в погребке, строили различные планы побега, собирали сухари и бросали жребий, кому из них сопровождать меня в дальних странствиях. Но тут вмешалась бабушка по линии мамы. Она несколькими тумаками выбила из нас романтику и осадила отца. Одноглазая, сухонькая старушка, пережившая геноцид 1916 года, волею судьбы в тринадцать лет оказавшаяся беженкой в Китае, в минуту опасности становилась хладнокровной воительницей. Она, между прочим, снимала с нас народными средствами всякие хвори. До сих пор помню, а

иногда и использую некоторые ее приемы врачевания.

Учеба в школе

Наступила осень. Друзья пошли учиться. Чтобы я не месил грязь на улице, мама посадила на заднюю парту в своем классе. В ту пору в одном помещении учились вместе первый и третий, соответственно, второй и четвертый классы. Я тихо занимался своими делами на «камчатке». Когда маме становилось невмоготу от тупых второклассников, чтобы пристыдить их, вызывала к доске меня. Благодаря стараниям старших братьев я умел читать и писать, складывать до двадцати. В октябре-месяце, решив всерьез заняться моим образованием, мама отдала меня в параллельный класс с русским языком обучения. Но, к сожалению, я по-русски свободно владел только «блатным». Наш пацанячий слэнг в ту пору состоял из гремучей смеси интернациональных матерных выражений! Я и сейчас могу ругаться на 13 языках.

Разумеется, вскоре мои тетради по русскому языку заpestрели красными чернилами. Не помогло даже списывание у соседа по парте Алеши. Видимо, я творчески перерабатывал его произведения, потому что там, где он получал тройку, мне ставили двойку. Когда красный цвет в моих тетрадях начал превалировать над фиолетовым, мама в сердцах бросила:

– Лучше бы совсем не учился!

Восприняв это пожелание как руководство к действию, я перестал ходить в школу. На следующий год, как и положено, семилеткой пошел в первый класс. Учился хорошо.

Через много лет, увидев двойку в дневнике дочери, я прочитал ей нотацию и выразил сожаление, что она интеллектом пошла не в отца, так как ее папа шестилеткой пошел сразу во второй класс! Потрясенные услышанным, мои детишки усомнились в возможности такого. Ночью, уединившись с супругой, с карандашом в руках долго что-то подсчитывали. Утром торжественно пришли уличить меня в обмане. И проиграли спор. Ха-ха!

Первая ходка в «зону»

Впрочем, в моих детских воспоминаниях есть сюжеты поинтереснее. Например, в семилетнем возрасте я угодил за решетку! А дело было так: приехав с дядей во Фрунзе, я заблудился в большом городе и попал в милицию. Поскольку не знал ни адреса, ни фамилии человека, у которого мы остановились, милиция сдала меня в детскую колонию, где и пришлось коротать ночь в довольно пестрой компании малолетних воришек и бродяг. На следующее утро дядя разыскал меня. В кабинете начальника, увидев меня целым и невредимым, он зарыдал в голос. В 1981 году, выступая в роли диверсанта на учениях КГБ Киргизии, я случайно наткнулся на это исправительное заведение. Перед заплаканными ма-

машами у КПП, в присутствии напарника я произнес душещипательную речь о том, что тоже мотал здесь срок:

– А теперь видите, хожу при галстукe как культурный человек. У вас тоже все будет хорошо!

Недоверчивый напарник потом все допытывался:

– Как же с такой биографией тебя приняли в органы госбезопасности?

– Я вышел на свободу с чистой совестью!

Второй раз имел неприятности с милицией семнадцатилетним оболтусом, когда в центре города с балкона мы с соседом Ткачевым Аликом пальнули по воронам из дедовского «карамультака». Совсем рядом, в метрах десяти, находилось открытое окно горисполкома, где шло важное заседание. Разумеется, от неожиданного грохота и дыма вся советская власть попадала со стульев. Нас тут же повязали, ружье конфисковали. Эту историю, в зависимости от настроения и круга слушателей, люблю излагать в разной интерпретации (иногда меня заносит до попытки вооруженного нападения на местную власть).

Дед Петро

А еще по соседству с нами жил дед Петро. Сейчас понимаю, что в селе он был своеобразным реликтом. Мастер на все руки, он работал плотником в школе. Дед никогда не отказывал в помощи односельчанам. С его внуком Шуриком,

который был старше меня на год, часто забирались в арсенал деда Петро, состоявший из малокалиберной винтовки, пары дустволок и трехлинейки.

Питьевую воду селяне набирали под яром из родника, вокруг которого в кустах обитали змеи. Как-то их развелось столько, что стало невозможно подойти к роднику. И тогда соседки пришли к деду Петро. Он молча их выслушал и начал обстоятельно готовиться к карательной экспедиции: надел высокие сапоги-болотоходы, резиновые перчатки и очки-консервы. Притихшим бабам объяснил, что некоторые змеи способны плевать ядом прямо в глаз человеку. Вооружившись садовым секатором, он двинул к роднику. Мы – за ним. Я видел, как, выстригая по периметру колючий кустарник, дед вступил прямо в змеиное гнездо: гады кишели под его ногами, жаля плотную резину сапог! Однако он за просто брал их руками, щелкал секатором и отбрасывал подальше от воды корчащиеся половинки! В ту пору мы верили, что упавшие в воду половинки змей способны отрастить недостающую часть. Очистив наш водопой, дед Петро заодно «окультурил» и несколько соседних родников.

Неудачная попытка привить любовь к книгам

Старший брат Джакып рос большим интеллектуалом. Каждую неделю он отправлялся в райцентр в библиотеку и возвращался со связкой книг. По вечерам он не дурачился,

как все остальные, а пристраивался возле единственной керосиновой лампы. Отец ворчал:

– Лучше бы исправил тройку по математике.

Я поддакивал ему:

– Когда вырасту, буду читать только учебники!

Джакып отрывал от страниц воспаленные глаза и задумчиво смотрел куда-то сквозь меня.

Как-то я пролистал одну из его книг: на прекрасных иллюстрациях – вездеходы, роботы и люди в скафандрах, сражающиеся с чудовищами. До сих пор помню этот альманах «Мир приключений». В «Планете бурь» я мало что понял. Джакып пытался объяснить мне, что такое научная фантастика, но потом махнул рукой, а вскоре начал неназойливо подсовывать книги, соответствующие моему уровню. Однако проснувшийся было интерес к печатной продукции у меня быстро заглох. Потому что фантастика – чепуха! Меня больше занимала военная тематика. Перед сном я мог бесконечно долго пересказывать отцу содержание военных фильмов, главным героем которых выступал сам. Я окончательно решил, что, когда вырасту, буду военным летчиком или киномехаником!

Книги я полюбил позже, где-то в 6–7 классах. И по другой причине.

Чабанская практика

Каждое лето отец отправлял нас в горы помогать старшему брату Орозу пасти колхозных овец. В плане физического и морально-психологического развития горы дали мне много. Мышцы ног становились железными. Объем грудной клетки и содержание гемоглобина крови значительно превышали аналогичные показания городских сверстников. С малолетства приучился не бояться крови, так как приходилось резать овец, снимать шкуры и разделывать туши. Научился владеть огнестрельным оружием и снаряжать патроны.

Однако те, кто считает, что чабаны «на свежем воздухе, употребляя экологически чистые продукты», жили хорошо, глубоко заблуждаются. Чабаны не могли забить по своему усмотрению колхозную скотину и питались часто тухлым и червивым мясом павших от болезней овец. Сахар и мука (а значит, и хлеб) – в ограниченном количестве.

Однажды в глухом ущелье в зарослях рябины я нарезал шесты. Как-то неожиданно наступили сумерки. Внезапно спиной почувствовал чей-то взгляд. Взгляд жестокого, безжалостного существа. От смертельного ужаса у меня на загривке шерсть поднялась дыбом. Дальше все произошло мгновенно, помимо воли: я оскалил зубы, издал звериное рычание и, крепко сжимая в руке нож, развернулся, слегка присел. В нескольких метрах, прямо передо мной в ска-

ле чернело огромное отверстие. Видимо, там скрывался какой-то хищник. Не спуская глаз с этого логова, попятился. Добрался, наконец, до своего коня и ускакал прочь. С тех пор я стал лучше понимать суеверия диких горцев и оценил прелести цивилизованного мира.

В моей детской чабанской практике был и забавный случай, который до сих пор любят посмаковать односельчане: как-то под вечер, озорничая, натянул я на барана свой ватник и застегнул на все пуговицы. Перепуганная скотина кинулась в стадо, а овцы от него врассыпную. Весело! Так и умчался, бедолага, куда-то в темень. Через два дня заехал к нам чабан, располагавшийся в десятке километрах от нас. Степенно попил чайку, поговорил о том о сем. И уже на прощание, как бы между прочим сказал:

– Вчера ночью проснулся от лая собак, гула и топота в кошаре и, решив, что напали волки, вышел с ружьем во двор. Смотрю, носится среди овец черная тень. Оказался баран в телогрейке! Я догадался, чьих это рук дело.

Однажды попал в сухую грозу. Набежали черные тучи. От атмосферного электричества аж искры с волос сыплются! Дождя нет, а молнии бьют непрерывно совсем рядом. Арт-обстрел с бомбардировкой! Бедные овечки от каждого близкого разряда шарахаются в стороны и опять испуганно сбиваются в кучу. Я на четвереньках, старясь быть как можно ниже, убежал в низину. Хотя это мало бы помогло: концентрические круги с точкой посередине, следы прежних грозо-

вых разрядов, я отмечал в самых невероятных местах. Уфологи почему-то принимают их за следы посадок летающих тарелок.

Решив поправить наше здоровье кумысом, отец также отправлял в горы помогать табунщикам. Это было после того, как один родственник заразил нас туберкулезом и нам пришлось помотаться по больницам и санаториям. Кумыс – дело хорошее, однако растущему организму нужны и витамины, и полноценное питание с соответствующим набором белков, жиров и углеводов.

Однажды, не выдержав кумысной диеты, мы с двоюродным братом Анарбеком, ныне известным в Киргизии художником, сбежали. Протопав по горам около тридцати километров, благополучно прибыли в село. Как мы набросились на хлеб, на простые деревенские лепешки! Потом выяснилось, что разъяренный табунщик, пустившийся в погоню на лошади, не смог нас догнать. Когда я уже работал в этом колхозе экономистом, он любил притворно посокрушаться:

– Эх, попались бы вы мне в руки, отхлестал бы плетью и приволок обратно на аркане!

Могучий был человек, до шестидесяти лет запросто ломал подковы. Он до самой своей смерти круглый год доил кобылиц, а я, сглаживая свою прошлую вину, регулярно приезжал попить кумыса.

Какое счастье – в конце августа спуститься с диких суровых гор в теплую, цветущую, сытую долину! Мама обни-

мает, целует, сует в руки свежее белье и с порога выгоняет в баню. По пути заскакиваю на огород, отщипываю капустный листок, шарю в огуречной грядке, срываю помидор, жадно хрумкаю морковкой, наспех обтертой об штаны. Затем – в парикмахерскую, сбросить патлы. Потом баня и парилка. Грязное белье с неисчислимым количеством насекомых не подлежит восстановлению, поэтому выбрасывается.

Опиум

До 1968 года в Таласской области Киргизии культивировали опиный мак. Наша семья каждый год обрабатывала 11 соток земли. Это был тяжелый ручной труд с ранней весны до глубокой осени. Нужно было в жару пропалывать растения мотыгой, по ночам по колено в воде поливать их, а зимой собирать сухие стебли, дома дробить маковые коробочки, чтобы извлечь оттуда семена. На семена спускали государственный план. Стебли шли на топливо.

Однако самый ответственный момент наступал в середине лета, когда приходила пора сбора опиума-сырца. Работа на плантации начиналась вечером, когда спадала дневная жара. Специальными трехлезвийными ножами маковые коробочки аккуратно надрезались. Если надрез будет слишком глубоким – молочко прольется внутрь коробочки. Слишком мелкий надрез тоже не годится. Поэтому хороший нож – половина успеха. За ночь молочко на коробочках слегка подсы-

хало до сметанообразной консистенции, проходя естественный процесс полимеризации. В жару оно подсыхает быстрее и уже имеет не то качество. Поэтому и ценится опиум из южных стран, собранный на высоте 1300–2000 метров над уровнем моря.

Вставали в 4 часа утра. До 8–9 часов, пока солнце не высушило росу, маленькими серповидными скребками обрабатывали каждую маковую коробочку, аккуратно собирая драгоценное зелье и переправляя в эмалированную кружку, привязанную к поясу. Опиумное молочко по мере загустения приобретает бурый цвет и становится чрезвычайно липким. Чтобы смахнуть его в кружку, приходится часто слюнявить палец. Вокруг стоит густой терпкий запах. И то ли от этого запаха, то ли от постоянного горького привкуса на губах кружится голова. Когда солнце поднимается высоко, на плантации делать уже нечего: пора вздремнуть в тени.

За день наша семья собирала около 450 граммов опиума, а за сезон – от 8 до 11 килограммов. Палатка приемщика стояла тут же, на поле. И когда опиума было мало, мы просто уносили его домой, чтобы на следующий день сдать двойную норму. Никто никого не контролировал. Более того, престарелый очкарик-бухгалтер, работавший приемщиком, хранил свою добычу в сорокалитровой фляге, которую закапывал на ночь в палатке. Сам преспокойно уходил ночевать домой.

Разумеется, каждая семья старалась сдать побольше продукции, иногда прибегая к различным уловкам: одни добав-

ляли в опиум смесь печенья с молоком, другие, не мудрствуя лукаво, кидали туда пару ложек солидола. Воровать опиум как-то не приходило в голову. Порой даже происходили курьезные вещи: наш колхозный бригадир рассказывал, что поздней осенью, распахивая поле, нашел на месте приемного пункта закопанное ведро с опиумом, видимо, позабытое приемщиком. Поскольку государственный план по сдаче продукции был уже выполнен, председатель колхоза распорядился выбросить эту гадость в реку. Опиум в небольших количествах для лечебных целей имелся в каждом доме. У нас в сарае тоже хранилось примерно 200 граммов. При зубных болях достаточно было положить в дупло маленький кусочек. При расстройстве желудка давали выпить его с горячим чаем. Болезнь проходила мгновенно.

Через пару лет в наших краях появились люди поумнее нас. Например, каждое лето приезжали шабашники из Таджикистана и заключали договор на строительство глинобитных дувалов. Свою малооплачиваемую работу они в аккурат завершали одновременно с окончанием сбора опиума. Они платили за килограмм опиума наличными 100 рублей. А колхоз за тот же килограмм начислял 50 рублей, который получали лишь в декабре. Ходили слухи, что в далеком городе Джамбуле цена опиума достигает 500 рублей! И появились у нас свои отчаянные головы, рискнувшие торговать зельем, вследствие чего стала наезжать на плантации милиция с собаками. Однако разве может собака учуять опиум на опи-

умном поле? Правда, некоторые односельчане все же отпра-
вились мотать срок.

Отрочество

Когда я был во втором классе, наша семья переехала в город Талас. До седьмого класса я не отличался в физическом развитии от своих сверстников. В сентябре, придя в 7-й класс, с ужасом увидел, что оказался чуть ли не на голову ниже девчонок и большинства ребят! Сосед по дому Алька Ткачев, которого еще недавно мог запросто скрутить, превратился в рослого силача-красавца. А я так и остался коротышкой с тщедушным телом и огромной головой! Даже занятия спортом и ежедневная физзарядка с гантелями мало помогали. Мышечная масса не увеличивалась, наоборот, руки становились все тоньше. А всем известно, что для пацана бицепсы – первое дело! Это была трагедия вселенского масштаба!

А одноклассники уже начали хаживать на танцы, некоторые уже гуляли с девочками. Я, естественно, сидел дома. Брат Джакып – высокий, симпатичный студент медучилища, избалованный вниманием прекрасной половины человечества, успокаивал, что организм растет до 20–22 лет. Слабое утешение! С тоски засел за книги. И неожиданно для себя открыл потрясающий мир! Вскоре записался во все библиотеки города и, пожалуй, перечитал все произведения Мар-

ка Твена, Герберта Уэллса, Конан Дойля, Джека Лондона, О'Генри, Александра Беляева, Александра Грина, Жака Ива Кусто и т. д. Часами просиживал у книжных полок соседа Филиппа Петерсона. Он обладал поистине уникальным собранием советской и зарубежной научной фантастики и магнитофонными записями песен Владимира Высоцкого. Филипп приобщил нас с Аликом не только к Высоцкому, но и к гиревому спорту.

Я начал приобщать к книгам своего младшего братишку Алмаза, пересказывая самые интересные произведения. Вскоре вся окрестная мелюзга стала собираться в нашем дворе послушать интерпретации на вольную тему, преимущественно научно-фантастического содержания, где каждому отводилась соответствующая космическая роль.

Алька поделился своим опытом физического развития. Оказывается, предыдущее лето он провел в деревне у бабушки: жрал яблоки и работал на току, разгружая машины с зерном. Все понятно, дело в витаминах! Поэтому по окончании 7-го класса я категорически отказался ехать в горы и провел большую часть лета в долине, работая на уборке фруктов.

В сентябре с трепетом переступил порог 8-го класса. Чудо свершилось! Все девчонки ниже меня! Вскоре занятия в секциях классической борьбы и бокса укрепили здоровье и кулаки, что прибавило авторитета среди ровесников: несколько раз участвовал в потасовках на танцах. Широкий кругозор (спасибо книгам!) позволял вести непринужденную

светскую беседу с любой девчонкой на любую тему. В 10-м классе даже был капитаном команды КВН. В нашем замечательном и дружном классе учились самые красивые в городе девчонки. Однако к ним я был равнодушен. Романтичная любовь, конечно, была, но за девчонкой моего сердца официально волочился другой парень. А по кодексу рыцарской чести отбивать чужих девушек в наше время было не положено.

Школу окончил с тремя тройками: по математике, физике и русскому языку.

Недавно, между прочим, приснился сон: будто вызывает меня к классной доске учительница русского языка Людмила Петровна проспрыгать какие-то деепричастия. Я ни бе, ни ме, ни кукареку. Смотрит она на меня печальными глазами: – Абдулаев, когда ты наконец станешь человеком? Кошмар! Проснулся в холодном поту.

Любимая учительница

Раиса Яковлевна Рысакова преподавала географию и астрономию. Отметки она ставила своеобразно: задавала пять вопросов, за каждый правильный ответ награждая единицей. Пять правильных ответов – пятерка. Так что «кол» или «двойку» тоже надо было заработать. Сверх школьной программы мы изучали минераловедение, занимались туризмом. Она возглавляла научно-познавательный кружок

«Квант», в котором царил удивительно светлый и жизнерадостный дух познания, организовала в нашей школе краеведческий музей, в котором хранились бесценные экспонаты из раскопок древнего городища Ак-Тюба, в том числе и «ртутные» гранаты древних: булыжники размером с кулак, с глубокими высверленными отверстиями. Именно Раиса Яковлевна объяснила нам их устройство: в это отверстие засыпался белый кристаллический порошок гремучей ртути (примерно десять граммов), сверху вставлялся фитиль. Запалив фитиль, гранату можно было бросать вручную, метать с помощью пращи или выстреливать из катапульты. Причем катапульта, если говорить современным языком, была способна выстреливать и кассетные боеприпасы. Много лет спустя в группе специального назначения «Вымпел» нас, диверсантов, научили превращать в домашних условиях содержимое градусников в мощнейшую взрывчатку. Самородная ртуть в древности добывалась исключительно на Алтае. Технология превращения металлической ртути в гремучую довольно проста. Нужно только иметь еще один компонент, который древние могли получать из концентрированной мочи (до сих пор в криминальной среде ходят байки о том, как «зэки» изготовили взрывчатку из мочи и, взорвав двери, совершили побег. Как видим, это вполне возможно). Впрочем, кроме взрывчатых веществ и пороха, они не менее успешно применяли напалм (Чивилихин в своей книге «Память» дает его оригинальный рецепт: он считает, что основным компо-

нением восточного напалма являлся человеческий жир) и, возможно, отравляющие вещества. Ни для кого не секрет, что алхимия зародилась на Востоке и пришла в Европу лишь через несколько столетий. Так что объяснима фантастическая непобедимость армий, дошедших до «последнего моря». И байки о бесчисленных азиатских ордах, устилавших путь к победе своими трупами, – чепуха! Например, для разгона римского легиона Аттиле достаточно было иметь сотню гранатометчиков и... свирепую контрразведку, чтобы сохранить главную военную тайну. Видимо, потому и рубили на всякий случай головы пленным и случайным свидетелям. И знаменитый венецианский разведчик Марко Поло наверняка был командирован на Дальний Восток отнюдь не только за шелком и опиумом.

Друзья детства

В школьные годы у меня было двое близких друзей: русский Ткачев Олег и немец Вайсгейм Артур. Отец Альки – ветеран войны, с протезом вместо одной ноги, работал диспетчером на автобазе. В последний путь его провожал весь город. Мать – библиотекарь. Алька после восьмого класса окончил медучилище, отслужил армию и уехал в Прибалтику. Мариманил на Балтике. Сейчас живет в Питере. Родители Артура были сектантами. Артур, светлая голова и золотые руки, окончив восьмилетку, пошел работать тока-

рем, поскольку должен был думать о пропитании. Он получал бешеные по тем временам деньги: 150 рублей! Перед тем как пойти на танцы в парк культуры, обычно заходили в гастроном. Снисходительно обозвав на нас с Алькой салагами, Артур покупал бутылку портвейна по рупь семнадцать. Мы конструировали дископлан, но так и не успели построить, разбросала судьба. Отслужив в Чирчике танкистом-инструктором, Артур вернулся обратно на свое родное предприятие, достиг шестого разряда по токарному делу, стал Ударником коммунистического труда, был награжден медалью «100 лет со дня рождения В. И. Ленина». Затем ему впаляли большой срок за убийство, которое совершил другой. От него ушла любимая жена, забрав все вещи и документы. Вернулся Артур из «зоны» через полтора года без средств к существованию, но не сломленный духом. Построил двухэтажный дом, женился. Сейчас, возможно, проживает в Германии.

Я бредил авиацией, однако по окончании школы не прошел в военкомате медкомиссию из-за искривления носовой перегородки. Через месяц плохие анализы (белок в моче) подвели при поступлении в гражданское летное училище. Все! Жизнь закончилась в семнадцать лет! Кому нужна такая развалюха? В глубокой депрессии, решив коротать остаток своей никчемной жизни прозябанием с книгами в каком-нибудь глухом ауле, в последний день сдал документы на экономический факультет Киргизского государственного университета.

Студенческие годы

*Два рода мужей люди чтут испокон:
Один из них – бек, а другой – кто учен...
...Кто сам ты, скажи мне, из этих двоих:
Из двух выбирай и беги от иных!*

Жусуп Баласагын

Университет

Экзамены для меня оказались не очень сложными, спасибо родной школе № 2 и ее преподавателям. Тут из-за невнимательности и произошел случай, который мог перечеркнуть все. Оставался последний экзамен по русскому языку. Утром я подошел к доске объявлений и не нашел номера своей группы. Оказалось, что выпускники русскоязычных школ писали сочинение накануне, а сегодня – диктант для школ с киргизским языком обучения! Абитуриенты уже все зашли, а я с тоской во взоре мечусь у дверей. В конце концов, сердитый дежурный, даже не глянув в мою бумажку, загоняет в аудиторию. Влетаю в зал с сосредоточенными абитуриентами. Ассистент протягивает стопку листов, и тут начинают читать текст. Плюхаюсь на свободное место и с ходу на-

чинаю писать. Диктант заканчивается. Экзаменатор просит еще раз обратить внимание на правильность заполнения титульного листа. У меня его нет. Странно. Листаю страницы и – о ужас! Оказывается, я перевернул их вверх тормашками. Представьте себе реакцию проверяющего! Но, слава богу, пронесло. Итак, с двумя пятерками и двумя четверками я оказался студентом группы планирования сельского хозяйства экономического факультета.

В конце августа новоиспеченных студентов отправили на сельхозработы собирать помидоры. А через месяц перебрали в Ошскую область на уборку хлопка, так что к занятиям приступили 1 декабря. Перед отправкой на сельхозработы все бегали в деканат, выбивая себе место в общежитии. Судя по стоптанным башмакам и предъявляемым справкам, складывалось впечатление, что каждый второй был круглой сиротой. За время сельхозработ мы лучше узнали друг друга. Оказалось, что наша «дикая дивизия» в большей своей массе состояла из детей председателей колхозов и главных бухгалтеров. И поступили они в университет не без помощи барашков и кругленьких сумм. А в двух наших группах по специальности «планирование сельского хозяйства» училось 75 парней и 5 девушек. Национальный состав: один узбек, одна узбечка, один казах, один чеченец, один дунганин, одна корейка, остальные киргизы. К девушкам относились как к сестрам: вольностей себе не позволяли и хахалей отшивали (как бы там ни было, ближе к окончанию вуза они

высказали нам свои претензии по этому поводу). По сравнению с другими учебными группами, мы, сельхозники, были более сплоченными. Собирали больше всех хлопка, выпивали больше вина и, если приходилось драться с местными хулиганами, дружно, как один, выходили с дрекольем. И не обижались на ехидное прозвище «дикой дивизии».

Фольклорные посиделки

Иногда ватагой ходили в гости к знакомым девчатам с других факультетов. Ночные посиделки начинались с традиционного на Востоке чая, а под утро заканчивались бешбармаком или пловом. Со стороны гостей и хозяев определялись ведущие, которые брали бразды правления в свои руки. Начинались песни, стихи, загадки, частушки. Чтобы никто не мог отлынить от участия в фольклорном состязании, готовилась «песенная чаша»: в довольно емкий сосуд наливалась адская смесь, состоящая из спиртного, сахара, перца, соли. Хозяйка чаши, закончив свою песню, передавала этот жуткий коктейль с поклоном кому-нибудь из представителей противоположного лагеря. Горе тому, кто не обладал поэтическими талантами: если не можешь петь, должен пить! Нужно было обладать хотя бы чувством юмора, чтобы не стать всеобщим посмешищем. Вообще, хотелось бы отметить, что традиционные совместные ночные игры юношей и девушек у киргизов существуют с незапамятных времен. Ра-

зумеется, эротические моменты в таких играх присутствуют, однако они носят довольно безобидный характер. Киргизы, в отличие от представителей других мусульманских народов, всегда были более раскрепощены в вопросах взаимоотношения полов. В то время как для узбека ругательство, означающее сожителство с его законной супругой, является смертельным оскорблением, по-русски и по-киргизски пожелание переспать с чьей-нибудь мамой даже ругательством не считается. В колхозе «Каракол» была семья чабана, у которого четверо раскосых девчат – голубоглазые блондинки! Иногда соседи от нечего делать скалили по этому поводу зубы. Муж только посмеивался, а жена сразу обрывала разговор:

– От геолога родила, вам-то какое дело!

Следует отметить, что оба супруга были голубоглазы и рыжеволосы. Видимо, в недрах генетической памяти они сохранили наследственные черты древних киргизов. Между прочим, по описаниям летописцев и Чингизхан был голубоглаз и рыжеволос. По поводу его национальной принадлежности существует несколько версий. Так, после смерти официального (смуглого и черноволосого) деда-монгола бабушка Чингиза от «святого духа» родила еще нескольких детей, в том числе отца будущего «потрясателя вселенной». Нынешняя неортодоксальная наука хоть и допускает возможность зачатия от «святого духа» девочек, однако категорически отрицает возможность появления на свет мальчиков без мужского участия. Из курса школьной биологии известно: чтобы

родилась девочка, требуется слияние «икс+икс»-хромосом. Для появления на свет мальчиков нужна другая комбинация «икс+игрек». У женщин «игрек»-хромосомы напрочь отсутствуют. Под воздействием неблагоприятных внешних условий, например высокой радиации, в женских внутренних половых органах могут произойти разрушение оболочек яйцеклеток и слияние их ядер с образованием комбинации «икс+икс». Это объясняет феномен амазонок. У племени амазонок мальчики никогда не рождались и не могли родиться, а в мужчинах, для продолжения рода, они совершенно не нуждались. Поэтому закрадывается подозрение, что Чингисхан на самом деле перенял гены пленного рыжего тюрка (сей персонаж оспаривается казахами, узбеками и киргизами), прислуживавшего после смерти деда его бабушке многие годы. Настоящее имя Чингисхана – Темирчи, что переводится с тюркского как «железных дел мастер» или «кузнец». А по поводу национальности грозного завоевателя Руси Батыея, внука Чингисхана, недавно от одного уважаемого ученого я услышал вовсе ошеломляющую новость! Оказывается, его мама была еврейкой! Именно евреи-торговцы освоили Великий шелковый путь. Их крупные колонии издревле проживали в Средней Азии, на Алтае и в Китае. До сих пор жители южных провинций Китая говорят на чистейшем иврите, непонятном для ханьцев! Теперь понятно, почему славный город Биробиджан стал столицей ЕАО. Это не было прихотью товарища Сталина, а оправдано истори-

ческими реалиями.

Самбо

Вернувшись с сельхозработ, приступили к учебе. Нужно было записаться в какую-нибудь спортивную секцию. Я решил заниматься вольной борьбой. Дело в том, что на хлопке, затеяв борьбу с одним из ребят, я потерпел сокрушительное фиаско. Он ни разу не дал мне подняться на ноги, сбивая ловкими подсечками и подножками. А ведь я был неплохой «классик»! В спортзале тренер Никифоров, мастер спорта международного класса по классической борьбе, в отношении меня был категоричен: «будешь классиком!» Я разочаровался и перестал ходить на занятия.

Как-то вечером, спускаясь с университетской библиотеки, увидел пробегающего по коридору парня в самбистской куртке и кинулся за ним. Робко приоткрыл дверь спортзала. Самбисты со страшным грохотом бросали друг друга на ковер! До конца тренировки я замороженно просидел на лавочке, потом подошел к тренеру и попросился в секцию. Он разрешил. На первых схватках я запросто заваливал самбистов на спину, припечатывая их лопатками к коврику, а дальше не знал, что делать. Заканчивалось это тем, что нас либо поднимали в стойку, либо лежащий подо мной соперник умудрялся провести болевой прием. Потом я научился падать и освоил самбистские приемы.

Летом участвовал в городских соревнованиях в весе до 61 килограмма. В первой схватке против меня выступал такой же дохляк. Мы с ним долго возились лежа, сил никаких не было, и он победил по очкам. Шатаясь от слабости, вышел на улицу. Друг Улан, сильно переживавший мое поражение, на последние гроши купил стакан сметаны, плитку шоколада и кофе, заставил поесть. Я почувствовал прилив сил и холодную ярость. Второй соперник был хорошо знаком по совместным тренировкам, я собирался его растерзать. Но неожиданно объявили другую фамилию. Это был низкорослый, на голову ниже меня, плотный и чрезвычайно верткий кореец по фамилии К. Не успел я опомниться в своем углу, как он стремительно сблизился и провел бросок. Я оказался сверху. Мне присудили очко. В зале раздались аплодисменты. Подняли в стойку. Новый бросок, я опять сверху! Еще очко.

Теперь соперник стал осторожнее. Неожиданно для него я запрыгиваю ему на руку, падаю на спину и, перебросив через себя, начинаю болевой прием на руку (этот прием обычно проводят против более рослого соперника). Слышу голос судьи: получаю еще два очка! Но кореец был физически сильнее. Он вывернулся и, в свою очередь, захватил мою руку. Зал стонет! Я на спине и отчаянно сопротивляюсь, но пальцы слабеют, и через несколько секунд он разрывает мои намертво сцепленные руки. Я встаю на мост (спасибо классической борьбе!) и переворачиваюсь через голову. Однако

соперник был третий калач: тоже мгновенно переворачивается на живот и резко изгибается дугой: хруст костей и резкая боль в локте. Мой вскрик совпал со свистком судьи. Поражение. Но не обидное, хотя я выбыл из соревнований.

В соседней комнате общежития проживал кавказец Иосиф. Могучего телосложения, медлительный и несколько дубоватый. Ему нравилось заходить в нашу комнату и шутя крутить мне руку. Было унижительно, но ничего поделать с ним не мог. Он был намного сильнее. И обижаться нельзя, это же шутка!

Где-то уже на четвертом курсе мне замаячил незачет по физвоспитанию, потому что я не ходил на университетские спортивные занятия, а занимался в городском аэроклубе парашютизмом. Пришлось податьсь в секцию классической борьбы. Тренер, от которого я ушел на первом курсе, меня в упор не видел. Пригорюнившись, собрался было уходить, но тут попался на глаза Иосифу, разминавшемуся на ковре. Радостно ослабившись, он растопырил клешни и двинул в мою сторону:

– Пойдем, поборемся.

– Давай!

Только попросил его надеть самбистскую куртку. Он сделал это с удовольствием. И началось! Минут десять я валял его как хотел, от души отомстив за прошлые унижения. Иосиф был ошарашен! Однако тренер не обращал на это никакого внимания. В конце занятий к нему подошли несколь-

ко наших ребят и о чем-то пошептались. Выслушав их, тренер хлопнул в ладоши:

– Внимание! Абдулаеву нужен зачет по физвоспитанию. Я поставлю, если он одолеет Иосифа в классической борьбе! Я положил его на лопатки.

Парашютизм

Первый раз, придя на военную кафедру, я увидел фото-стенд о парашютистах. А тут еще попался навстречу преподаватель кафедры, подполковник-десантник. Заныла душа. Узнав от него адрес аэроклуба, я записался на парашютную секцию. Конечно, хотелось на самолетную, но боялся строгой медкомиссии. Дали направление на медкомиссию в военкомат. Сдал анализы, правда, мочу одолжил у друга Турсунбека (он до сих пор этим страшно гордится). Сделал кардиограмму. Брат Джакып, к тому времени студент мединститута, изучив ее, заметил, что у меня не все в порядке с запирающим клапаном левого желудочка предсердия. По моей просьбе он сделал и отдал мне свою кардиограмму.

Всех врачей прошел нормально. Но терапевта удивил бешеный ритм моего сердца. Пожилая женщина-врач взглянув на меня поверх очков, все поняла и улыбнулась:

– Хочешь прыгать? Молодец. Мой сын тоже парашютист – она подписала заключение: «годен».

Первый прыжок с Д-1-8 я совершил 5 мая 1970 года.

Приехав на летние каникулы домой, я поделился своей радостью с родными. Реакция мамы для меня была совершенно неожиданной. Узнав, что я занимаюсь в аэроклубе, она расцвела в улыбке.

– Ты весь в меня! В 1936 году я тоже занималась во Фрунзенском аэроклубе, но только самолетным спортом.

Мама

Как много мы не знаем о своих родителях! Несколько дней я не отходил от мамы ни на шаг, выпытывая подробности ее жизни.

Мама родилась в 1922 году в селе Орто Алыш, который располагается километрах в десяти от столицы республики. Отца ее звали Туркмен, он был учителем. В нашей семье много лет хранился его орден Ленина, который впоследствии вернули государству. Бабушку по маминой линии я уже упоминал в начале книги. У мамы красивое имя Шамсинур, что в переводе с фарси означает «луч солнца». Откуда в киргизской семье туркменские и таджикские имена – я до сих пор затрудняюсь ответить. В 1936 году мама поступила во Фрунзенское медучилище. Вместе с подругами по комнате откликнулась на призыв: «Комсомолец – на самолет!» и начала посещать занятия во Фрунзенском аэроклубе. Тут приехала солидная комиссия отбирать киргизских девушек для выступления на спортивном празднике в Москве.

Мама попала в их число. После пары месяцев подготовки они выступили на стадионе «Динамо». Вечером по плану культурной программы их должны были повести в Большой театр. Мама с подружкой остались в общежитии, потому что немного простыли на выступлениях. Неожиданно в комнату забежали какие-то военные, подняли их с коек и куда-то повезли. Оказалось, в Кремль на праздничный банкет! Огромный зал, изысканно накрытые столы, серебро и хрусталь. И сотни, тысячи людей: прославленные военные, известные ученые, знаменитые артисты – это была сказка из «Золушки»! Закружилась голова... Подруги робко пристроились где-то на краюшке, так и не притронувшись к блюдам. Внезапно раздались бурные аплодисменты, переросшие в овации, в зал вошел сам товарищ Сталин, а с ним Калинин, Ворошилов... Сталин произнес короткий тост, поднял свой бокал. Посидев немного, вожди извинились и ушли. Объявили перерыв. Освободились места за столами поближе к Президиуму. Шустрая подружка-татарка схватила маму за руку и поволокла туда. Сели напротив Георгия Димитрова, его жены-красавицы и седой старушки-матери. Официанты внесли горячее. Как его кушать? Заметив ее состояние, добрая старушка начала тихонько подсказывать, в какую руку надо взять вилку, в какую нож. С блюдом кое-как справилась, хотя ни вкуса, ни запаха не чувствовала. Очень захотелось взять на память о Кремлевском банкете какой-нибудь сувенир. Ведь дома расскажешь – не поверят! Мать Димит-

рова объяснила, что серебряные ложки-вилки брать не следует, но можно взять бумажные салфетки с водяными знаками, изображающими Кремль, и, пожалуй, мельхиоровые спичечницы. Так и поступили.

В 1986 году мама встретилась со своей подружкой-татаркой. Они вспоминали Москву тридцатых, перебирали имена однокурсниц по медучилищу, не вернувшихся с фронта, пили водку и плакали...

Парашютные сборы

Летом 1972 года я попал на парашютные сборы. К тому времени у меня уже было 39 прыжков на Д-1-5у, из них четыре прыжка со стабилизацией раскрытия купола по 15 секунд. Пора было переходить на ручное раскрытие. Пересел на ПД-47 с квадратным куполом. И вот я со сборной Киргизии в одном самолете. Ребята и девчата уходили на 2200 метров крутить акробатику. Я должен был покинуть борт раньше, на высоте 1200 метров. Им всем было чертовски интересно, они сгрудились у открытой двери и почему-то между собой называли меня перворазником. Признаюсь, мне это было неприятно. Мастер спорта Сергей Решетиллов, только что прибывший на сборы, должен был прыгать вместе со мной. Он еще раз проверил замки аварийной отцепки своего УТ-2р и прокричал мне в ухо:

– Я пойду первым. Через две секунды иди за мной. Не

волнуйся!

Самолет сбросил газ. Серега напряжился, рыбкой выскользнул наружу, в воздухе красиво развернулся, лег на спину и поманил меня за собой. Взявшись правой рукой за косяк двери, я резко оттолкнулся правой ногой и лег на поток. Слегка повернув голову, посмотрел на дверь и, встретившись глазами с инструктором, сделал ему отмашку рукой. Он кивнул в ответ: все в порядке...

...Через две секунды меня закрутило. Малейшее движение руки или ноги приводило к мгновенному изменению положения тела в воздухе. Меня бешено вращало одновременно во все стороны, и я никак не мог стабилизировать падение. Через несколько секунд, поняв бессмысленность своих потуг, рванул кольцо. Резкий удар, я повис под куполом, вернее под квадратной «салфеткой». Решетиллов с громким шелестом раскрылся чуть ниже и, выписывая вокруг меня круги, приземлился рядом. Собрав свой купол, покачал головой:

– Ну ты даешь...

Все спортсмены и инструкторы остро переживали за меня и наперебой давали полезные советы. Однако второй прыжок – опять закрутило. Десятый прыжок – то же самое!

Я понял, что, совершив до этого около сорока прыжков «на веревочку», я намертво усвоил вредную привычку через две секунды после отделения от самолета, в ожидании динамического удара раскрытия купола, непроизвольно концентрироваться. Условный рефлекс, черт его дери! В резуль-

тате попадал в штопор. Ходил весь в синяках от подвесной системы. Но мучительнее были душевные травмы. Неужели я такой тупица? И вот однажды, совсем отчаявшись, перед прыжком закрыл глаза, расслабился. Покинув борт самолета, лег на поток, широко раскинув руки и ноги, начал отсчет. Через четыре секунды обратил внимание, что падаю стабильно. Открыл глаза. Я переборол себя! Это было неопи-суемое блаженство – уметь управлять своим телом во время свободного падения!

Мне дали более совершенный купол Т-4-4м. Сейчас понимаю, что если бы я перешел на ручное раскрытие не на сороковом, а начал уже где-то на пятнадцатом прыжке, видимо, удалось бы избежать ошибок, одна из которых чуть было не стоила мне жизни на очередных сборах в 1976 году.

Что мне дал парашютный спорт, кроме чувства «глубокого морального удовлетворения»?

Во-первых, собранности. Признаюсь, я никогда особенно не отличался аккуратностью и собранностью. Парашютизм если и не устранил совсем, то в какой-то мере сгладил этот недостаток.

Инструкторы с нами особенно не церемонились. И не прощали даже малейших ошибок. Допустим, привязал контров-ку чеки прибора КАП-3 не «восьмеркой». Инструктор выдергивает чеку: трещит прибор, щелк! Ранец раскрывается, купол вываливается на землю. Все, собирай по-новому. Ребята уходят в воздух, а ты сопишь над укладкой.

Во-вторых, когда в 1982 году в КГБ Киргизии решался вопрос, кого отправить на учебу в школу диверсантов, мои 80 прыжков произвели впечатление на начальника республиканской разведки Эрика Чинетова. И он остановил свой выбор на моей кандидатуре. Значит, и в «Вымпел» я попал благодаря парашютному спорту.

Экзамен по истории КПСС

На втором курсе я завалил экзамен по истории КПСС и полгода не получал стипендии. Произошло это следующим образом. На экономфаке общественные дисциплины преподавали на двух языках. Я занимался в группе с русским языком обучения. Во время сессии наш преподаватель заболел, и экзамены принимал профессор киргизского потока. Поскольку моя фамилия начинается на «А», пошел отвечать первым. Не успел произнести нескольких фраз, как профессор прервал меня:

– Абдулаев, ты кто по национальности?

– Киргиз.

– Почему фамилия не киргизская?

Объясняю, что фамилию отца исказили, когда он в тридцатые годы учился в Ташкенте.

– Хорошо. Ты владеешь родным языком?

– Да.

– Ну и отвечай по-киргизски.

Тут я начал мычать. Извините, одно дело – бытовой, разговорный язык, а тут специфические научные выражения. Это две большие разницы. Короче, поставил он мне «неуд».

Нечто подобное произошло со мной в восьмом классе, когда принимали в комсомол. Заседание бюро райкома, во главе стола первый секретарь, противная тетка с мясистым, угристым носом. Я не смог по-киргизски рассказать Устав ВЛКСМ. Так что вступил в комсомол лишь в десятом классе.

Итак, остался без стипендии. Стыд-то какой! Родителям не расскажешь, да и финансами они помочь не могли. Например, первый костюм мне сумели купить по окончании третьего курса на деньги, вырученные от продажи меда с небольшой отцовской пасеки. До того донашивал пиджаки старшего брата. Джакып – молодец. Он не только получал повышенную стипендию, но и подрабатывал на «скорой помощи». Так что полгода я выживал как мог. Хорошо, что в городе было много близких и дальних родственников, к которым можно было изредка забежать поесть.

Адыл и Абай

В общежитии в каждой комнате стояло по 4–5 кроватей. Парни размещались на третьем и пятом этажах, а девушки – на втором и четвертом. Наша комната, посоветовавшись, наладила дружбу с девчатами, проживавшими над нами. Это было выгодно, у девчат не переводились хлеб, сахар и сли-

вочное масло. Так что по вечерам, придя к ним в гости, всегда можно было рассчитывать на угощение. В свою очередь, когда у нас заводились деньги, водили их в кино и в кафе. Правда, денег у нас хватало на три-четыре дня.

Мой сосед по койке Адыл был большим романтиком и в не меньшей мере раздолбаем. Ему принадлежал рекорд экономфака по количеству пропусков занятий: за полгода он не посетил ни одного! Он безумно влюбился в девчонку по имени Белек, проживавшую над нами. Однако постоянно портил с ней взаимоотношения безумными выходками, от чего страдал сам и по ночам плакал и рвал зубами подушку. Чтобы помочь другу, мы решили провести оперативную комбинацию. Адыл, немного подумав, согласился. Сообща написали письмо в его адрес от имени несуществующей возлюбленной, якобы тоскующей в разлуке. Превознесли до небес достоинства Адыла. Упомянули о том, как он, рискуя жизнью, спас эту красотку от лап бандитов. Не забыли упомянуть о том, что ей стали известны прелести злой соперницы Белек. Адыл лично переписал этот опус женским почерком. Запечатали в конверт, поставили почтовый штампель. Письмо положили на стол среди множества других в коридоре общежития. Вскоре зафиксировали его исчезновение. А еще через полчаса конверт обнаружили на прежнем месте. Изучив его, обнаружили следы перлюстрации. Рыбка клюнула! Вечером, как обычно, пошли пить чай к соседкам. Все девчонки обхаживали нашего героя как могли. Белек страдала

от ревности. Однако Адыл опять разрушил начавшееся было потепление взаимоотношений. И тогда я увел его в мир грез...

...Однажды ночью, когда его стенания порядком надоели, я открыл дверь шкафа, щелкнул переносным пультом управления. Задняя стенка бесшумно ушла в сторону, и открылся длинный коридор. Я завел Адыла туда. Вошли в лифт. Нажал кнопку. Сердце подступило к горлу: мы стремительно проваливались куда-то вниз. Вскоре лифт остановился, и мы оказались перед несколькими закрытыми дверями. Я открыл одну из них, и мы попали на роскошную виллу на необитаемом острове: шум прибоя, ласковый ветерок, запахи неведомых цветов, пальмы, бананы. В лагуне яхта. Переодев Адыла в белоснежный костюм, оставил его на пляже и ушел по своим делам. Через несколько часов забрал его оттуда. Перед тем как вернуться обратно в наше убогое жилище, заставил пройти санобработку и переодел в прежнюю одежду. Но он, паразит, все же прихватил ракушку...

Проснувшись утром, Адыл действительно обнаружил под своей подушкой морскую раковину и, не вытерпев, заглянул за шкаф, залез внутрь, постучал по задней стенке...

Похоже, Адыл погиб окончательно. С тех пор он стал задумчив и рассеян. Каждую ночь уже самостоятельно, без моей помощи уходил в дальние странствия. Он побывал в лучших борделях планеты, однако везде сохранял верность своей несравненной Белек. Ему очень хотелось показать эти ми-

ры возлюбленной, чему я противился:

– Нельзя, не положено. Я и так нарушил Инструкцию.

Девчонки отметили странные метаморфозы, происшедшие с ним...

Второе место по количеству пропущенных занятий после Адыла занимал Абай Борубаев. Тот самый, который в восьмидесятые годы якобы убил каратиста и киноактера Талгата Нигматуллина, сыгравшего в фильме «Пираты XX века». Абай жил не в общежитии, а на квартире родителей в городе. Однако по утрам приходил в нашу комнату и заваливался спать на свободной кровати. Когда мы возвращались с занятий, вместе начинали думать о пропитании. Самый простой способ был подойти к какому-нибудь студенту-«куркулю» из южной провинции и попросить взаймы рубль. Тот, нервно щупая карманы, обязательно ответит, что в наличии имеет всего двадцать копеек.

– Ладно, давай их сюда.

На эти деньги можно было купить буханку хлеба за 16 копеек и сто граммов соленой кильки за 3 копейки. Еще оставалась одна копейка сдачи!

Абай неплохо играл на гитаре и меня научил брэнчать на шестиструнке. За это я прозвал его «учителем». Это ему очень нравилось. Последующая его жизнь была окутана тайной. Лет десять назад его имя гремело по всему Советскому Союзу. Ему было посвящено много публикаций в центральных газетах. Он первым в стране превратил экстрасенсори-

ку в дойную корову и умопомрачительно разбогател. Более того, он получил абсолютную власть над душами и телами десятков тысяч поклонников. В Москве и Прибалтике на него молились! Все, что он вытворял, не лезло ни в какие ворота «здорового смысла», поскольку помню, что никакими экстрасенсорными навыками он не обладал (по крайней мере, в студенческие годы). Просто этот двоечник оказался талантливым организатором. Я сейчас жалею, что в ту пору не восстановил с ним контакт. Умер он в 1995 году в тюрьме. Очень хотелось бы когда-нибудь заглянуть в архивы 5-го Управления КГБ и изучить его литературное дело.

Несколько слов о ясновидящих: в середине 70-х, работая секретарем комсомольской организации колхоза «Каракол», по делам заехал в соседнее хозяйство, на конезавод № 113. На крылечке сельпо несколько ребят с утра распивало спиртное. Меня тоже пригласили. Один из них, вдруг пристально взглянув мне в глаза, поднял свой стакан:

– Когда станешь большим человеком, не забывай, пожалуйста, простых людей.

Тост был странный и довольно нелепый. Я хмыкнул. Однако никто из присутствующих даже не улыбнулся. Мне объяснили, что этот парень – блаженный. Все, что он предсказывает, сбывается.

Другой случай: бригадир стройбригады нашего колхоза Баястан часто твердил, что я буду работать в Москве. Господи, какая Москва, когда пределом мечтаний моей супруги

было переехать из сурового горного села (она там сильно болела) хотя бы в райцентр! Однако через семь лет я действительно оказался в столице.

Надежда

Я познакомился со своей будущей супругой Надеждой при довольно забавных обстоятельствах. Друг Улан по прозвищу «Рыжий» 8 марта 1970 года вернулся с ночных посиделок сильно возбужденным. Он рассказал, что ребята пригласили на пирушку девчат с женпеда³. Так вот, среди приглашенных ему приглянулась девчонка по имени Надя. Папа киргиз, мама русская. Красавица, комсомолка, спортсменка! Все бы ничего, однако она ростом выше его на голову.

– Она идеально подходит для тебя, хочешь познакомлю?

Я вежливо отказался.

Тогда он предложил другой вариант:

– Я закадрил ее подругу – казашку Баян. Проблема в том, что они – не разлей вода. Даже решили выходить замуж за братьев! Надя сильно мешает нашим с Баян более глубоким взаимоотношениям. Как друга прошу, отвлеки ее!

³ Во Фрунзе существовал женский педагогический институт имени Владимира Маяковского, где готовили национальные женские кадры учителей для работы в отдаленных провинциях. По сути, этот институт был интернатом (вернее, пансионом) с казарменным положением и трехразовым питанием. В ту пору существовала присказка: «У кого ума нет – идет в “пед”, – у кого стыда нет – в “мед”. У кого ни того, ни другого нет – в университет».

– Ладно, так уж и быть.

Мы гуляли вчетвером, и на свиданиях девчонки подкармливали нас котлетами со своей столовой. Получилось так, что вскоре мы с Надюшей стали доминирующей парой.

Она была удивительно наивной девочкой, полагавшей, что детей находят в капусте. Ее наивность, признаюсь, вызвала во мне определенные подозрения. Но, когда познакомился поближе с ее родителями и условиями воспитания, все понял. Папа Манаппай – идеалист, добровольцем ушедший на фронт в 17 лет, прибавив в метрике год. Наводчиком миномета дошел до Берлина. После войны долго служил в Барановичах танкистом. Потом работал шахтером в Ткварчелли. Там и познакомился Лидией Георгиевной Швидченко, приехавшей из Молдавии. Ныне проживают в селе Ивано-Алексеевке возле моего родного Таласа, работают в колхозе. Воспитывают семерых девчушек, одна другой краше! С детства основные хлопоты по дому и заботы по сестренкам легли на плечи старшей Надюши. Она оказалось натурой с удивительно чистой и романтической душой. Такие сейчас – большая редкость. Я начал ее опекать: не дай бог случится беда, мало ли каких прохиндеев в большом городе... Через два года поженились. Справили скромную свадьбу. Перебивались на частных квартирах. Моя стипендия почти целиком уходила на квартплату, а Надежда получала на руки всего 12 рублей. В женпедке к ней относились с уважением, как к хорошей спортсменке-волейболистке. Поварихи столовой сверх

питания выдавали ей потихоньку и «сухой паек». Из дому родителей привезли пару мешков муки и картошки. Надины подружки любили бывать у нас в гостях и откровенно завидовали нашему счастью.

В сентябре 1973 года у нас родилась дочь Анара. Я к тому времени вышел на госпрактику и обладал уймой свободного времени. По утрам Надюша нацеживала молоко и уходила на занятия. Я возился с малышкой. По вечерам, нагрев на плите воды, наполняли до краев ванночку и купали ее. Уже с 14-дневного возраста начали учить плавать. Через два месяца она уже безбоязненно погружалась в воду с головой и, вынырнув, только радостно улыбалась. Видимо, с тех пор полюбила воду. Анарочка ныне вместе со мной посещает секцию подводного плавания, освоила акваланг.

Младшая дочь Динара родилась в 1976 году в колхозе «Каракол». Она в 15 лет начала заниматься парашютным пятиборьем и совершила 5 прыжков с самолета. Обе мои дочурки выросли рослыми и красивыми, вышли замуж. Внуку Бексултану пять с половиной, ему уже доводилось стрелять из автомата, кататься на БМП и летать на французском вертолете «Экьюрей».

Колхоз «Каракол»

В четырех случаях не следует высказывать ни одобрения, ни осуждения о деле, пока оно не закончится. Во-первых, о кушани, пока оно не переварится в желудке. Во-вторых, о беременной женщине, пока она не разрешится. В-третьих, о храбреце, пока он не покинет ратного поля. В-четвертых, о земледельце, пока он не соберет урожая.

Ас-Самарканди

Колхозный экономист

В 1984 году я закончил университет и получил распределение в Ляйлякский район на границе с Таджикистаном. Однако отец хотел, чтобы я работал в родном колхозе. Несколько слов об этом хозяйстве. Его много лет возглавлял Рыпек Айдаралиев, ветеран войны, талантливый организатор. Под его руководством было объединено пять мелких колхозов. По сути, это было даже не село в традиционном понимании, а маленький город с населением более 5 тысяч человек. Клуб, двухэтажное здание правления, трехэтажная школа на тысячу мест с прекрасно оборудованными кабинетами и огромным спортзалом, центральная котельная. Вокруг

села было высажено 300 тысяч березок! Ныне, по прошествии 30 лет, в тамошних, прежде безлесых, местах шумят красивейшие березовые рощи. А за грибами-подберезовиками приезжают за 200 километров из Джамбула (местные жители грибов не потребляют. На киргизском языке грибы носят неблагозвучное название конских гениталий). Колхоз стал миллионером, был награжден орденом Трудового Красного знамени. В 1984-м наступил кризис. На председателя и главных специалистов было заведено уголовное дело. Ходили слухи, что Первому секретарю ЦК КП Киргизии якобы не понравилась амбициозность Айдаралиева. На открытии памятника селянам, павшим в Великой Отечественной войне, председатель колхоза поддел Усубалиева:

– В столице, между прочим, такого памятника нет.

В колхоз нагрянула большая ревизия. Она работала полгода. Наконец, накопили растрату на смехотворную сумму около 5 тысяч рублей. На суд аксакал явился при всех своих боевых и трудовых наградах, а «иконостас» у него – будь здоров! Четверых главных специалистов колхоза вместе с председателем все же посадили.

Вернувшись из мест заключения, многомудрый Айдаралиев изрек:

– Настоящий джигит непременно должен посидеть в тюрьме!

Земляки рассказали, что престарелый Айдаралиев, ныне проживающий в Бишкеке, приезжал в прошлом году в

свой бывший колхоз. Увидев нынешнюю разруху и безнадежду, горько заплакал...

Новый председатель колхоза Бечелов уважил просьбу папы и прислал на меня запрос. Кадровик министерства сельского хозяйства отговаривал:

– В вашем «Караколе» пять безработных экономистов. Они будут под тебя копать!

Но я был непреклонен.

Работа экономиста по труду и заработной плате состояла в том, чтобы строго соблюдались нормативы по расценкам оплаты труда и не превышались объемы реально выполненных работ. Когда первый раз в жизни завизировал документы на 40 тысяч рублей, испытал ни с чем не сравнимое чувство гордости за оказанное высокое доверие.

Впрочем, не все давалось гладко. Помню, учетчик мехпарка принес наряды. Заглядываю в конец документа и вижу, что всем ремонтникам начислено от 200 до 500 рублей зарплаты. Я урезаю их в два раза. В мехпарке бунт. Суровые мужики в замасленных спецовках приходят в кабинет разобраться с сосунком. Усаживаю самого крикливого за стол, самолично подсчитать зарплату. Через пятнадцать минут выясняется, что я был прав. Оказалось, сердобольный учетчик, работающий всего неделю, просто решил осчастливить друзей.

Другой раз зимой из-за нехватки кормов решили давать буренкам кормовую смесь из сенажа, корнеплодов и соло-

мы, перемалывая их на измельчителе КУФ. Все бы ничего, но на морозе корнеплоды превратились в камень. Ножи кормоизмельчителя начали ломаться. Производительность труда упала. Естественно, зарплату работникам я урезал. Забастовка! Председатель колхоза отдает распоряжение уладить инцидент.

– Или иди сам и работай вместо них на морозе!

Провожу хронометраж, созваниваюсь с соседними хозяйствами. Везде измельчение тонны кормов оценивается примерно в 50 копеек (другие хозяйства перемололи свои корнеплоды еще летом). У меня же требуют платить по 2 рубля! Нигде в Союзе нет таких расценок! Ладно. Начинаю с конца. Беру за основу 2 рубля и накручиваю: разгрузка с прицепа вручную (хотя прицеп – самосвал), перенос на 50 метров, загрузка в измельчитель, отгребание из-под него, обратная переноска на 50 метров, погрузка в тракторный прицеп с высокими бортами (хотя погрузка механизированная) и т. д. Чтобы прикрыться (ведь ревизия будет спрашивать с меня!), составляю новый норматив, добавляю из учебника по планированию сельского хозяйства пару мудреных формул. Председатель кряхтя подписывает сей документ и ставит печать. Через несколько лет, заехав в родное хозяйство, узнаю, что экономист, не мудрствуя лукаво, даже летом оплачивает работу кормозаготовителей по моим расценкам. Я пришел в ужас!

Зимой, чтобы сохранить поголовье, председатель догово-

рился со сторожами казахских зимних пастбищ, примыкающих к нашему хозяйству, потихоньку пасти у них наших барашков. Они взамен просят принять на мясо их бычков. Наши расценки – один рубль двадцать копеек за килограмм живого веса. Бычки упитанные, по 150 килограммов. Однако сторожам этого мало. Приходится искусственно накидывать сверху по 20–30 кило.

В автокатастрофе погиб прекрасный парень. Осталась одинокая старушка мать. Учетчик мехпарка, чтобы как-то помочь ей, начислил покойному зарплату 500 рублей. Я не могу пропустить этот документ. И урезать некрасиво. Поэтому принимаю решение разделить сумму на две части. Вторая зарплата была начислена в следующем после его смерти месяце. А с ревизором, однокашником по университету, мы распили бутылку, и я ему все объяснил. Он понял все правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.